

нятых к выполнению в последние годы в ряде ведущих индустриальных стран, являются программа «Societal and Ethical Implications of Nanotechnology (SEIN)» (США); программа «Advanced Foods and Materials Network» (Канада), программа «(Development of Nanotechnology and Materials for Innovative Utilizations of Biological Functions)» (Япония) и др.

МЕТОДОЛОГИЯ ДВОЙНОЙ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Теодор Шанин, профессор
Манчестерский университет (Великобритания)

Концептуальная и аналитическая структура трех последовательно проведенных исследований сельской России была названа нами методологией двойной рефлексивности, или, для краткости, рефлексивной методологией. Это сочетание теории, стратегии и стиля коллективной исследовательской работы. По мере продвижения исследования частные аспекты этой методологии углублялись, менялись, проверялись и развивались дальше. (На самом деле открытость по отношению к методологическим усовершенствованиям и новым организационным формам была с самого начала важной ее частью.) Тем не менее фундаментальные предпосылки и исследовательская стратегия на протяжении всего периода оставались и, думается, выдержали проверку многолетним исследовательским опытом. Отдельные ее элементы известны, но новы во многих отношениях и методология, как связанное целое, и полученные на ее основе результаты. Их описание и анализ могут дать импульс дальнейшим исследованиям как сельских, так и не сельских сообществ и соотношений.

Ядро методологии двойной рефлексивности состоит из некоторого числа взаимосвязанных теоретических концепций и исследовательских стратегий. Что касается концепций, то это: качественная методология; качественно-количественный интерфейс и двойная рефлексивность. Для данных стратегий полевого исследования наиболее значимы интерактивность полевого исследования, связанная с вживанием в изучаемое сообщество и «глубокое» интервью с помощью «полуструктурированных» (semi-structured) опросников, а также метод подготовки, взаимной поддержки, взаимопроверки и коллективного вклада в развитие программы исследования, который был назван нами «длинный стол» — по месту и характеру проводимых встреч и совместной работе коллектива исследователей.

Для того чтобы понять суть методологии двойной рефлексивности, необходимо определить лежащее в ее основе эпистемологическое видение и выяснить специфику ее главных составляющих, помня афоризм, что «Бог познается в частностях» (God resides in the details). В этой статье нами использованы реальные примеры из двух первоначальных исследований 1990–1996 гг.

Философские корни методологии: особенности человеческой действительности. У истоков дискуссий о социальных (гуманитарных) науках стоит вопрос о нашем отношении к свидетельствам («данным») — проблема объективности. Она служит своего рода водоразделом. По одну сторону находятся модели универсальной науки как систематического знания, базирующегося на данных, которые независимы от наблюдателя (и, следовательно, объективны) и поддаются внешнему наблюдению и могут быть представлены количественно, на основе которых делаются обобщения и, исходя из которых, проверяются гипотетические конструкции и теоретические утверждения. В этой модели имплицитно присутствует требование или сильное предпочтение повторяющегося, унифицированного и качественно неизменного (т.е. по сути внеисторического) предмета исследования. Противники этого подхода склонны сегодня подводить его под одно общее название: «позитивизм». Его сторонники часто отвергают это определение, подчеркивая, и это, несомненно, правильно, что существует множество течений, представители которых согласны с предположением о фундаментальном методологическом единстве данных о мире и путей его изучения во всех науках без непрямого признания других базовых предположений классического позитивизма.

По другую сторону находятся те, исходные позиции которых сводятся к тому, что событиям человеческой жизни присущи фундаментальные своеобразия и, следовательно, изучать их необходимо с помощью дуалистических методов, сообразно их двойственной природе. Человеческие и социальные явления обладают характеристиками «объективных» дан-

ных, и значимые результаты могут быть получены на основе моделей, в которые закладывалась бы их повторяющаяся и универсальная природа, работающих жестко по принципу "вход/выход" (input/output) и вводящих в оборот статистический анализ. В то же время другая основополагающая характеристика явлений такого рода связана со свойствами человеческого объекта исследования, обладающего способностью саморефлексии и свободного выбора, познания, ошибки и их предубеждения, т.е. способностью по-разному реагировать на данный стимул, а не только те, которые возникают исключительно под воздействием внешних факторов или являются простыми проявлениями заложенной в нем структуры. Такие атрибуты, как ориентация, смысл и выбор составляют значимые и необходимые элементы в их описании и анализе. Предполагается также, что общественные явления подвержены качественным изменениям. Для изучения этих аспектов действительности требуются особые методологические подходы и средства.

Неокантианская традиция конца XIX в. решила эту проблему, постулировав фундаментальный дуализм организованного знания и соответственно разграничив поля исследований и методологии (как, например, Г. Риккерт разграничил науку о природе (Naturwissenschaft) и науку о культуре (Kulturwissenschaft) и, соответственно, характерные для них "генерализирующий" и "индивидуализирующий" методы). Серьезные споры между неокантианцами (например, Г. Риккерт против В. Дильтея) велись относительно природы этого дуализма. Тем не менее фундаментальное разделение на естественные и гуманитарные науки было воспринято всеми представителями этой традиции, как отражающее особенности гуманитарного и социального исследований объекта, а именно способности к интроспекции и выбору, в котором содержится возможность трансформации под воздействием знания и самопознания. В англосаксонском дискурсе была сильна еще более радикальная позиция, когда вся область мысли строго делится на "науку" и "искусство" (Sciences and Arts), т.е. на вопросы, доступные научному познанию, где объективное знание возможно, и проблемы, закрытые для науки, такие, как предметы, относящиеся к сфере искусства.

Исторические корни этих дебатов можно найти в работах XVIII в. Вико (или даже у философов Древней Греции), но в современной науке их прямое начало связано с тем, что Н.Хомский назвал центральным выводом картезианства: "Люди принципиально отличны от всего принадлежащего физическому миру. Другие организмы – суть машины. Когда их части установлены в определенном порядке, и они помещены в определенную внешнюю среду, все, что они делают, полностью предопределено или же вполне случайно (is random). Но эти же условия не принуждают людей действовать тем или иным образом, люди только имеют побуждение и склонность так поступать... Их поведение может быть предсказуемым в той мере, в какой они обычно делают то, к чему имеют побуждение и склонность, но тем не менее они свободны и уникальным образом свободны, поскольку им необязательно делать то, к чему они имеют побуждение и склонность".

Методология двойной рефлексивности принимает в качестве эпистемологического базиса неокантианскую традицию в ее менее радикальной форме, т.е. в лице таких представителей, как Г. Риккерт и М.Вебер. Там, где речь идет об изучении человеческих сообществ, требуется двойственный методологический подход, дающий представление как о специфически человеческих, так и об объективных характеристиках объекта. Различные срезы реальности, а также разные обобщающие категории, дают возможность многостороннего и комбинированного освещения объекта социологического исследования.

Мы переходим к рассмотрению элементов методологии двойной рефлексивности, перечень которых дан выше, и их взаимосвязей.

Качественная методология. Понятие качественной методологии (или качественного исследования, качественного подхода, качественной социологии) получило широкое распространение и охватывает многообразные взгляды и предположения. Уже Р. Теш в своем исследовании 1991 г. насчитала 45 различных интерпретаций этого понятия. Нередко эти интерпретации отстоят друг от друга столь далеко, что некоторые критики определили "качественную социологию" как понятийную свалку и, опираясь на язык П.Сорокина, назвали ее "эпистемологической кучей". Часто те, кто используют понятие "качественный" попросту избегали четкого определения. Подобная застенчивость обычно принимала форму определения этого понятия исключительно через отрицание (т.е. как "нестатистический", "неанкетный" и т.п.).

Наконец, в довершение этих бед "качественная методология" вошла в моду. Подобная мода время от времени захлестывая академические дисциплины, привносит в них элементы восточного базара, когда торговцы стараются перекричать друг друга и "обскакать" конку-

рентов с помощью оскорбительных обвинений и, как правило, фальшивых заявлений о необыкновенной свежести предлагаемых ими товаров. “Качественная методология” как мода нередко имеет в своей основе недостаток знаний об истоках, основах и интеллектуальной истории социологии. К тому же в немалой мере она определяется давлением академических рынков, нацеленных ради карьерных соображений на массовое производство повторяющихся текстов поверхностного содержания. Но все это только одна сторона дела. Академическая мода приходит и уходит, но часто, когда она исчезает вместе с теми ее конъюнктурными представителями, остаются несомненные достижения – новые вопросы, ответы, понятия и методы, а также некое ядро экспертов, способных прояснить новые аспекты социальной реальности. Помня об опасности следовать очередной моде, важно не перестраховаться и не “выплеснуть вместе с водой ребенка”.

И хотя “эпистемологическая свалка” относительно понятия “качественной методологии” действительно существует во многих работах, но указывает скорее на эпистемологическую несостоятельность тех, кто использует этот термин, не давая ясного его определения, а не на то, что само понятие лишено содержания. Итак, начнем с отрицаний, чтобы расчистить почву для позитивного определения того, что мы понимаем под сущностью качественной методологии.

Перечислим, в каком смысле мы не использовали понятие “качественной методологии” и не рекомендуем его использовать тем, кто хотел бы прояснить этот вопрос.

1. Не следует употреблять это определение по остаточному принципу, когда все что “не” (т.е. не подпадает под категорию статистических, количественных методов или методов, служащих только проверке “жестких” гипотетических конструкций) становится “качественным”. Точно так же понятие не должно определяться просто через его антонимы, т.е. как “невторичный”, “неанкетный” и т.п. Примером тому может служить определение качественного исследования, данное известным ученым, согласно которому “любое исследование, результаты которого не могут быть достигнуты с помощью количественных процедур”. Это восхитительно просто, совершенно ясно и обладает ничтожной эвристической ценностью.

Определение концепции, социальной реальности или методологии по “остаточному” принципу, как “все, что не”, скорее указывает на то, как данная ментальная конструкция была получена, а не на предмет исследования. Для того чтобы стать эффективным методологическим инструментом, концепция должна быть представлена в позитивных терминах, устанавливающих ее содержание, выделяющих ее ядро и определяющих ее границы. Только так можно избежать “эпистемологические свалки”.

2. Это понятие не может быть просто закреплено за академической дисциплиной, в которой оно часто используется (например, в этнографии). Качественная методология шире по своим задачам, характеристикам и свойствам методологии отдельно взятой дисциплины. Она представляет собой понятие с более широким междисциплинарным применением.

По тем же соображениям невозможно принять определение “качественной методологии” просто как нечто сугубо присущее профессии социальной работы. Это видение иногда предлагалось на том основании, что самоопределение профессиональной работы социального работника с клиентом (“работа с отдельным случаем” – case work) близко к понятию “исследование с помощью отдельного случая” (case study), которое, в свою очередь, используется некоторыми как синоним “качественной” методологии (а является одним из ее возможных приемов). Сходство звучания не есть доказательство в вопросах содержания.

3. Качественные методы не должны рассматриваться лишь как первоначальная стадия исследования, т.е. “предварительное наблюдение” с целью дальнейшего развития “жесткого” и тем самым истинно научного анализа. Не являются они также просто “квазистатистическими методами”, используемыми до того, как начнется действительно научная, т.е. статистическая работа. Статистика или математика не единственные средства получения знаний о человеческих явлениях. Ответы “да” и “нет” на выдвинутые гипотезы не единственный путь сбора релевантных данных и установления научно значимого познания.

В последнее десятилетие аналитический подход, названный “приземленной теорией” (grounded theory), сыграл позитивную роль, помогая социологам не ограничиваться применением моделей естественных наук, базирующихся на лабораторных экспериментах. В частности, были предложены альтернативные модели в отличие от тех, в которых гипотезы задаются на основе дедуктивных методов и проверяются данными, под них отобранными. Гипотетические утверждения “заземлены” здесь на опыт и вытекают из него, и это дает более богатое и реалистическое видение исследовательского процесса. В наших исследова-

ниях 1990-1996 гг. и в методологии двойной рефлексивности, лежащей в их основе, суть этого подхода была принята как нечто само собой разумеющееся, поскольку в них изначально отсутствовал псевдонаучный уклон (который следовало бы преодолеть).

4. Качественные методы не должны определяться исключительно как реакция на сложность объекта исследования. Сложные социальные проблемы можно изучать с помощью различных методологий, не только качественных по характеру, например, с помощью матриц.

5. Качественные методы не должны определяться как выражение заданной политической идеологии, каковой бы она ни была. Это особенно касается тех, кто отрицает любые формальные процедуры, как в принципе связанные с “подавлением” и поэтому неприемлемые. Также понятие и правильность заключений не могут обосновываться просто указанием на правильную политическую ориентацию (например, когда “мужской тип исследований” противопоставляется истинной, т.е. “феминистической”, ориентации). В научном исследовании идеологии не могут заменить процедур верификации.

6. Качественные методы не должны определяться просто как установка или стиль работы исследователя, его наклонности и способности, такие, как эмоциональное сопереживание объекту, способность к самовыражению или склонность к автобиографическим отступлениям при изложении социологического материала (так же, как, скажем, математические способности или педантичность в работе недостаточны для определения “количественной социологии”). Есть различие между характеристиками методологии, которые мы обсуждаем, и индивидуальными способностями, которые желательны для тех, кто вовлечен в исследование и/или должны вырабатываться в процессе обучения исследователя своему делу.

Обращаясь к позитивному определению концепции, качественную методологию (и качественные исследования) можно определить как тип исследований, в которых наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческой логикой (стратегиями) объекта изучения, включая значения, придаваемые им (или ими) этим действиям. В соответствии с дисциплинарным видением специфика качественной социологии прежде всего нацелена на выявление повторяющихся форм человеческих взаимодействий и их понимания и смысла, с точки зрения объекта(ов) исследования. Это не исключает количественных методов как таковых, но исключает исследования, в которых полученные модели человеческого поведения и взаимосвязей соотносятся только с аналитическими действиями самих исследователей, в то время как изучаемым рассматривается только как движимый силами, внешними по отношению к его мыслительному процессу, к чему сведена причинность его действий и взаимодействий.

В процессе качественного исследования полевая работа включает, как правило, прямое наблюдение в сочетании с многомерными “глубокими” интервью. Цель сводится к тому, чтобы формы действий и взаимодействий членов общества, за которыми ведет наблюдение исследователь, связать с тем, как они понимаются самими участниками. Аналитическая часть исследования включает категоризацию свидетельств, при этом особое внимание уделяется связям и взаимозависимости между установленными категориями. Работа с первичными данными, их соотнесение с модельными концепциями и терминами в целях уточнения и классификации представляют собой основную часть исследования. Составляющими являются здесь как подкрепление свидетельствами, так и критическое переформулирование и отказ от некоторых используемых понятий. Наряду с этим, в случае необходимости, чтобы достичь более реалистичного описания, объяснения динамики и причин изучаемого явления вводятся (“конструируются”) новые понятия.

Аналитическое описание, соотнесение свидетельств, установление типологии и выдвижение новых предположений относительно причинных связей, а также способов их проверки – это то, что предполагается получить на выходе качественного исследования. Оно включает также рассмотрение более широкого контекста свидетельств и исторического процесса, частью которого являются изучаемые события. Что касается связи этих элементов, то была выдвинута идея, значение которой трудно переоценить, а именно, что не следует видеть их просто как последовательные стадии работы: сначала категоризация, потом рассмотрение связей между категориями, затем подкрепление и проверка их свидетельствами и т.д. Скорее это представляет собой спираль, когда работа продвигается через постоянное возвращение к предыдущему “этапу”, идет непрерывный процесс сравнительного анализа между категориями, объяснениями, свидетельствами, связанный с прояснением терминов – это диалектическая связь или, если воспользоваться выражением современного автора, это “итерационный”, а не “линейный” процесс исследования.

Качественно-количественный интерфейс: сочетание качественных и количественных методов. “Количественное” исследование опирается в идеале на статистический анализ собранных данных. Это предполагает тип данных, который позволяет измерение с помощью стандартизированных применений случайных выборок. Основным способом сбора таких данных являются анкетные опросы, которые охватывают большое число единиц наблюдения и требуют серьезной предварительной работы по обеспечению их репрезентативности. Все это позволяет применять математические методы, которые делают более надежными результаты исследований и проверку предположений, “расплачиваясь” за эту характеристику существенным сужением фокуса опроса. Устойчивость соотношений представляется необходимым условием приемлемости данных.

В основе методологии двойной рефлексивности лежит предположение о прямой взаимосвязи (где речь идет о людях) между “объективной” реальностью (и ее возможным представлением в виде количественных данных) и вопросами ее понимания и выбора, а также более широким социальным контекстом. Работа с числами и статистический анализ — значимый способ рассмотрения общества с “количественной” точки зрения. Работа с понятиями и категориями находится в фокусе “качественного” анализа. Однако при изучении общества числа зависят от значений и от категорий и часто прямо из них вытекают, в то время как значения и категории проверяются и подтверждаются данными, часть которых выражена математически и статистически. Именно поэтому, хотя деление на качественное и количественное как полярных “идеальных типов” полезно для прояснения логики различий, но в то же время оно ведет к ошибкам, при непосредственном переносе на эмпирический уровень. Именно область пересечения “количественного” и “качественного” часто оказывается наиболее плодотворной для социологических исследований.

В социальных науках особое внимание следует уделять многомерному анализу, в котором смыкаются характеристики действий, количественно выраженных и доступных статистическому анализу, и их субъективный и интерсубъективный аспекты. Примером может служить использование бюджетных исследований в контексте рефлексивной методологии наших работ. Традиция сельских бюджетных исследований, основоположником которой в России был Ф.А. Щербина, получившая дальнейшее развитие и достигшая методологического пика в исследованиях ЦСУ и Тимирязевской академии в 20-е годы, связана с именами таких ученых, как А.В. Чаянов, В.С. Немчинов и другие, имели в своей основе анализ доходов и расходов в рамках семейных единиц производства. Бюджетные исследования связаны с анализом форм и балансов производства и семейного потребления, а также использования труда, инвестиций, комбинирования натуральных и денежных ресурсов. Такой анализ, выраженный в “жестких” цифрах, был предпринят и в наших исследованиях, в которых мы использовали скорректированную версию чаяновских таблиц, опубликованных в его книге в 1929 г. Сбор “жестких” данных в наших исследованиях шел параллельно с систематическим изучением в одних и тех же семьях стратегий их материального самообеспечения, в частности, планов производства, использования труда, материальных ресурсов и денег, а также бартера и неэквивалентного обмена в рамках сетей взаимопомощи родственников и соседей. Это позволило соотнести бюджетный анализ балансов затрат и выпуска (input/output) с разнообразными и субъективно значимыми решениями и соображениями объектов исследования. В том же направлении развивался анализ сетей межсемейной и внесемейной (соседской и пр.) взаимоподдержки и кооперации.

Признание значимости качественной методологии в том виде, в котором она была здесь представлена, исходит из того, что “качественное” и “количественное” исследования представляют собой различные методологические фокусы изучения одного и того же предмета, его различные срезы. Они могут накладываться, соединяться и перекликаться в процессе познания, выбор принадлежит здесь исследователю и определяется перечнем вопросов. Абстрактные споры о том, какой метод лучше, обычно отрицательно воздействуют здесь на развитие как научного знания, так и эффективной методологии.

Делая небольшое отступление, поясним, почему для описания принятой здесь позиции относительно соотношения различных уровней анализа мы используем термин “интерфейс”. Возможные альтернативные выражения, такие, как “связь”, “взаимодействие”, подчеркивают единство поля исследования, но они недостаточно отражают типологическую разнородность соответствующих категорий. Пользуясь термином “интерфейс”, мы стремились подчеркнуть сложную взаимозависимость предполагаемого единства социальной реальности и его фундаментального методологического разделения.

Двойная рефлексивность. Концепция двойной рефлексивности связывает обсуждавшиеся здесь теоретические категории, такие, как качественное исследование и качественно-количественный интерфейс, со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, характеризующимися вживанием, глубокими интервью, а также методами работы “длинного стола”. Эта концепция проходит красной нитью через всю описанную здесь систему анализа и поэтому была принята также в качестве полного названия нашего методологического подхода в целом.

Концепция рефлексивности принадлежит академической традиции, уходящей корнями в неокантианское видение, обсуждавшееся выше. В центр внимания ставится взаимное влияние исследователя и объекта, отрицая модель, перенятую из упрощенческой критики естественных наук, в которой активный разум исследует то, что по сути пассивно и нейтрально. Следуя семантике слова, понятие “рефлексивность” представляет собой предположение, что свидетельства (“данные”) никогда не могут быть полностью отделены от исследователя и всегда связаны с ним. В человеческих и социальных явлениях сам процесс познания изменяет познаваемое¹⁹. Эта позиция, несомненно, важна (и принято не только всеми сторонниками качественной методологии, но и многими приверженцами “количественной” традиции), но оставляет неопределенным или недостаточно ясным еще один аспект или концептуальный шаг понимания данной проблемы. Принятая нами за основу модель исследовательского процесса, включает не только “объективные” данные, регистрируемые прямым наблюдением и интервью во время полевой работы (или извлекаемые из собранных другими исследователями свидетельств), и взаимоотношения субъект–исследователь и объект–исследуемый. Она также включает субъективность самих объектов, их понимание своего социального и материального контекста и их ориентацию внутри него наряду с их решениями проблем выбора стратегии действия.

Мы назвали двойной рефлексивностью соотношение между: а) тем, что наблюдается исследователем; б) влиянием исследователя на изучаемый объект и их взаимовлиянием; в) субъективностью объекта, выражающейся главным образом в том, как объект исследования определяет и объясняет поступки и сделанный им выбор. Сюда относятся также значения и смысл, принимаемые группами, к которым принадлежат исследуемые. Этот “треугольник” стал ядром нашей методологии и ее отправной точкой как в полевой работе, так и в интерпретации результатов. Важным следствием этого тройственного соотношения является предположение, что ни исследователю, ни исследуемому не принадлежит монополия понимания коммуникации, которая осуществляется между ними, и ни у одного из них нет привилегии окончательного познания.

Интерактивная стратегия полевого исследования. Академическое осмысление интерактивной стратегии полевого исследования возникло и оформилось в социальной и культурной антропологии, получившей первоначальное развитие главным образом в Великобритании, США и Франции. Будучи изначально связанной с колониальной эпохой, социальная и культурная антропология развилась в академическую дисциплину, имеющую множество точек пересечения с другими научными дисциплинами, такими, как история или экономика. Это сближение порой приводило к полному слиянию ее с современной социологией. В основе этой традиции — прямое наблюдение за небольшим сообществом и взаимодействием его членов. Особенно она нацелена, по словам К. Герца, на “описание жирным карандашом”, т.е. описание не только узко отобранных гипотезой “фактов”, но также широкого плана картины, включая намерения и значения, понятийный контекст и его динамику.

Такая форма исследования диктует особое отношение к сбору данных: одноразовый визит с “жесткой” анкетой и “закрытыми” вопросами не может их обеспечить. Связь исследователя с изучаемым сообществом (включая проживание в нем) должно быть длительным. Процесс сбора данных должен быть “мягким”, подстраивающимся под ритм жизни сообщества и как можно меньше его нарушающим. Вопросы должны быть достаточно открытыми, чтобы иметь возможность фиксировать неожиданные события и изменяться по мере возникновения новых вопросов и выявления новых источников информации. Вживание исследователя в сообщество составляет часть этой исследовательской стратегии, обеспечивая ее успех. В то же время необходимо, чтобы сохранялся баланс между близостью исследователя к изучаемому объекту и мерой отстраненности, которая должна обеспечить возможность критической оценки происходящего.

Свидетельства, собранные таким образом, создают богатую, многомерную картину социальных отношений, которая менее селективна и вторична по сравнению с обычным ре-

результатом анкетных опросов, часто инициированных администрацией (как, например: “Сколько картофеля с одного гектара было собрано?”). Они несут содержательное описание взглядов и культурных значений, смыслов, выраженных индивидуальными объектами исследования, и циркулирующих внутри социальных сетей и групп, в которые индивиды включены в своих повседневных контактах. Широкая база данных, менее структурированная, как и менее искаженная предварительным выбором, неизбежным при узком анкетном опросе, может быть использована как для общего, так и для точечного анализа определенного аспекта социальной реальности. Следует добавить, что в контексте такого типа полевого исследования и анализа творческие способности исследователя получают особые возможности выражения и развития.

Сложность и трудоемкость таких методов исследования часто весьма значительны, и это — обратная сторона медали. Это объясняет то, почему исследования такого рода редко включаются в исследовательские программы, инициированные государством. Трудозатратность требует добавочных ресурсов. Также репрезентативность результатов может быть всегда оспорена здесь — конкретные случаи, выбранные для изучения, могут оказаться исключениями и привести к ошибочным результатам при попытках сделать общие выводы. Зарисовка “жирным карандашом” сама по себе оставляет открытыми многие аналитические проблемы и вопросы причинности. Кроме того, долговременная полевая работа требует от исследователей серьезного психологического напряжения. Особую сложность представляет задача одновременного “включения” в сообщество и “выдерживания дистанции” с ним. К этому следует добавить бесчисленные политические и технические проблемы “включения”, начиная от возможных подозрений и препятствий, чинимых местными органами власти и самим населением по отношению к “чужакам”, и кончая поиском жилья, средств коммуникации и технической поддержки.

Опыт наших сельских исследований помог найти практические пути решения вопросов организации интерактивного полевого исследования. Период проживания в каждой деревне продолжался 8 месяцев в первом исследовании и 13 месяцев (т.е. полный сельскохозяйственный цикл) во втором. Проблема кадров была решена на основе тщательного отбора и самоотбора исследователей. Все они имели высшее образование в области социальных наук, обладали жизненным опытом и личностными качествами, которые помогли бы им выдерживать трудности, связанные с долгосрочной полевой работой. Было решено провести переподготовку всех отобранных исследователей, которая осуществлялась в ходе работы. Нарботки каждого регулярно обсуждались с руководителем проекта и внутри коллектива исследователей в целом. Многое дисциплинарное обучение было проведено в подготовительный период и продолжено в ходе работы “длинного стола” (о котором речь пойдет ниже). То, что участники проекта имели различное базовое образование (среди них были социологи, экономисты, географы, архитекторы, учителя), оказалось позитивным фактором, так как исследователи многому учились друг у друга. Различия в личностных и дисциплинарных характеристиках подготовки и разности стиля использовались для взаимообучения и в самом исследовании.

Проблема репрезентативности данных была частично решена в результате тщательного отбора деревень “внешними” экспертами. Исследования должны были быть реалистичны, т.е. давать новые и ценные данные, но одновременно это был методический пилотаж. Участники исследований были нацелены на выработку эффективной методологии для создания более глубокой картины, воссоздающей жизнь сельской России, в надежде на то, что ежегодный мониторинг сельской России, аналогичный исследованиям, проведенным ЦСУ в 20-е годы и основанным на репрезентативной выборке деревень, будет проводиться также и в будущем, и что для этого выработанная и проверенная методология может оказаться особенно ценной.

Для того чтобы смягчить некоторые трудности, ожидавшиеся нами в подобного рода полевым исследовании, было принято решение работать в деревнях командами из двух-трех человек (часто такую команду составляли семейные пары, что оказалось очень эффективным). Вторая линия защиты обеспечивалась “длинным столом”, в работе которого систематически принимал участие весь коллектив исследователей. Взаимные визиты исследовательских команд, визиты руководителя и координатора проекта определялись как узко-профессиональными задачами, так и задачами социального и психологического характера.

“Центр” проекта, т.е. его штаб, включал администратора, который поддерживал постоянный контакт с “командами”, обеспечивал их материальные потребности, техническую ор-

ганизацию контактов, осуществлял сборы “длинного стола” и вел архив, в котором накапливались данные. “Центр” снабжал полевые “команды” официальными рекомендательными письмами (например, от президента Академии сельскохозяйственных наук, от Аграрного комитета Думы и т.п.) и помогал на основе личных связей обеспечивать должный уровень контактов и защиты в селах. Технические средства, необходимые исследователям для работы, совершенствовались по мере увеличения финансовых возможностей и роста квалификации исследователей. На ранних стадиях проекта его участники были обеспечены диктофонами, резиновыми сапогами и ручными фонариками, на более поздних этапах они уже снабжались компьютерами, модемами и фотокамерами. Кроме администратора, центральная “команда” включала руководителя проекта и “начальника штаба”, координирующих сбор данных и обеспечивающих их предварительные оценки и анализ.

Глубокие интервью и полуструктурированные (“самонаправленные”) опросники. Интервью – это инструмент непосредственных исследований, предполагающих контакт лицом к лицу с “объектом”. То же самое можно сказать об опроснике. Характеристики интервью и опросника отражают особенности данной методологии. Опросник “самонаправлен”, т.е. направлен на интервьюера, а не на исследуемых. Он дает общее руководство относительно перечня тем, которые должны быть раскрыты, а также минимальный список ожидаемых ответов, но оставляя на собственное усмотрение исследователя форму постановки вопросов и их дальнейшее развитие. Процесс сбора данных предполагает активное участие самих исследуемых — их партнерство. Контакт с респондентом долгосрочен. Он длится недели и месяцы и включает многие “заходы” — встречи и разговоры, выводящие на определенную тему. Форма, в которой задается тот или иной вопрос, зависит от опыта и интуиции самого интервьюера, понимания того, как и когда лучше его задать и от конкретных условий, в которых интервью протекает: дома или на улице, в дружеском обмене мнениями или в споре, “с глаза на глаз” или в присутствии других людей. Вопросы могут задаваться отдельному человеку, семье в целом, семье вместе с соседями или с другой группой. Ответы на вопросы, указанные в опроснике, перепроверяются в ходе бесед, затрагивая все более “глубокие” темы, т.е. темы более личностные, скрытые или забытые, подобно тому, как снимаются один за другим слои луковицы. Мнение интервьюера относительно того, какие из возникающих версий событий, мнений или оценок наиболее правдоподобны, — важно, но он (она) обязаны представить в записях все выраженные или осознанные картины происшедшего и происходящего.

В дополнение к “глубоким” интервью и следуя тем же принципам, сбор данных включает “фокусные группы”, которые в наших исследованиях принимали различные формы, начиная с неформальной дискуссии, инициированной интервьюером, например, у входа в местный магазин или за семейным столом, а также его активного участия в формальных собраниях правления или “крупхоза” (принятое нами определение межсемейных форм хозяйства на базе бывшего колхоза или совхоза), и заканчивая дискуссиями в группах, вызванных интервьюером для того, чтобы обсудить определенную проблему по его выбору. К этому следует добавить постоянное прямое наблюдение. “Глубокие” интервью зависят от доверия респондентов и их дружеских отношений с интервьюером, которые, однако, могут привести к возникновению определенных проблем. Содержание некоторых бесед может травмировать респондентов или вызывать у них определенные опасения. Именно поэтому этические и профессиональные решения должны быть продуманы и приняты уже на предварительной стадии исследования. В инструкции к базовому опроснику нашего исследования 1990-1996 гг. предписывалось, что в тех случаях, когда полученная информация может навредить человеку или семье, лучше ее отбросить, чем поставить респондента в затруднительное положение — профессиональная честность важнее профессиональных достижений. В ней же подчеркивалось, что мы “стоим на стороне” крестьян, которых интервьюируем, и такая позиция должна определять наше повседневное поведение. В долгосрочной перспективе подобное поведение наиболее эффективно и с точки зрения результативности исследования.

Что касается технической оснащенности наших коллег, то особо полезным для интервьюирования оказался диктофон, позволяющий концентрировать внимание исследователя на беседе, видеть лица во время разговора и иметь возможность повторного прослушивания наиболее важных моментов разговора впоследствии. (При использовании диктофонов мы всегда спрашивали согласие респондента.) При сборе информации для бюджетных исследований, требующей ежедневных записей, мы привлекали и самих респондентов (например, для регистрации ежедневных трат или составления списка купленных товаров).

Чтобы такой сбор данных не стал формальностью, необходимы регулярные и частые контакты исследователей с респондентом.

Использование открытых (полуструктурированных) форм опроса, а не анкет, основанных на ответах “да–нет”, где альтернативные ответы заданы, создает базу высокоинтерактивный стиль интервью, в котором творческие способности респондентов, их собственные идеи и возможные критические комментарии постоянно активизируются и вводятся в исследование. Хотя беседа в определенной степени направляется интервьюером, зачастую именно контрвопросы респондентов, их собственные понятия и идеи оказываются самыми ценными. Такие разговоры всегда включают неторопливые беседы “за жизнь”, которые, хотя и могут казаться на первый взгляд не очень результативными (“пустой тратой времени”), имеют важнейшее значение, с точки зрения человеческих отношений, без установления которых невозможно получение “глубоких” ответов на интересующие исследователя вопросы. К тому же это обосновано необходимостью установления между интервьюером и респондентом меры равенства как залога доверия и в результате – получение более качественной информации. Исследователи, которые не уважают своих информантов и/или не видят ничего интересного в их биографиях и взглядах, не должны браться за работу подобного рода.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ КОРПУСА ПЛУГА

И.Н. Шило, д.т.н., профессор, В.А. Агейчик, к.т.н., доцент, Н.Н. Романюк, к.т.н.

Белорусский государственный аграрный технический университет (г. Минск)

М.В. Агейчик, инженер

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (г. Минск)

Одной из важнейших задач развития агропромышленного комплекса Республики Беларусь является формирование эффективного, устойчивого и конкурентоспособного производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, наращивание экспортного потенциала страны и сокращение импорта, а также перевод национальной экономики в режим интенсивного развития в рамках белорусской экономической модели. Ее основу составляет поэтапное построение национальной инновационной системы, включающей современную генерацию, распространение и использование знаний, их воплощение в новых продуктах, технологиях. Инновационная деятельность является единственным эффективным способом обеспечения рыночной конкурентоспособности предприятия.

Экономически обоснованное, рациональное комплектование машинно-тракторного парка обеспечивает выполнение заданных объемов механизированных работ и эффективное использование техники. Успешность решения указанных задач во многом определяется качеством исходных технико-экономических данных.

Эффективное производство продукции растениеводства должно обеспечиваться применением инновационных технологий и современных средств механизации. Для их внедрения необходима разработка системы машин, формируемой из современных технических комплексов, взаимосвязанных технологически (по ширине захвата, рядности, рабочей скорости), а также технически (способами агрегатирования и привода рабочих органов).

Современные социально-производственные условия требуют новых подходов к выбору систем обработки почвы и применяемых орудий. Производство конкурентоспособной продукции – это, в первую очередь, возможность оптимального выбора орудий и технологий под разные природно-климатические зоны, под разный севооборот с учетом энерго- и ресурсосбережения, а также экологических факторов – сохранения плодородия почвы, а, следовательно, устойчивого состояния агроландшафтов.

Исходя из этого, интенсификация работ в земледелии требует нового подхода к обработке почв и выбору средств механизации на основе создания и внедрения почвозащитных и энергосберегающих технологий [1]. Анализ почвенно-климатических условий различных районов Республики Беларусь показывает, что перспективными системами обработки почвы и посева должны быть, наряду с традиционной отвальной обычной безотвальной, минимальная и нулевая, которые особенно эффективны на эрозийно опасных склонах (круче 5°), где водная эрозия почв уносит столько питательных веществ, сколько идет на формирование урожая [2]. Такие участки составляют около 60% возделываемых почв в Беларуси [3],